

МУЗЫКАЛЬНАЯ СРЕДА

Эти слова, такие искренние, идущие от самого сердца, были сказаны о Генрихе Густавовиче Нейгаузе. Сказаны Дмитрием Журавлевым, замечательным артистом-чтецом: он вел передачу о Нейгаузе, показанную по телевидению в минувшее воскресенье, 2 марта.

В титрах Д. Журавлев был назван ведущим. Но, право же, мы не назвали бы столь строго и официально человека, который рассказывает друзьям о друге. Рассказывает удивительно: живо, трепетно, эмоционально, рассуждая и вспоминая, — и при этом доверительно, камерно, так, как говорят не в большой аудитории, а в теплом, дружеском доме. Наверно, именно так — горячо и непосредственно — говорили о Нейгаузе его ученики, собравшиеся апрельским вечером в доме Святослава Рихтера. Поэтическую картину такого вечера памяти учителя нарисовал несколькими штрихами Журавлев — многочисленные гости, красивый стол, горящие свечи, музыка, воспоминания наперебой... По традиции каждый год, в день рождения Генриха Густавовича, собираются его друзья и ученики. И убеждаются, что память об этом редком человеке жива.

Что оставляет после себя музыкант-исполнитель? Конечно, записи. — И эти записи звучали в передаче, — но не только. «Исполнитель» — слуга и хозяин произведения — этот афоризм принадлежит Нейгаузу. «Слуга» — пианист, растворяющийся в авторском

тексте, посредник между композитором и слушателем. «Хозяин» — музыкант, мыслитель, личность, способная поставить произведение в ряд многих других, осознать его особое, неповторимое место в непрерывном процессе движения мировой культуры

иные бессмертными шедеврами итальянцев. А театр! Нейгауз был настоящим театралом, знал все спектакли МХАТа, Малого, живейшим образом интересовался всеми событиями театральной Москвы. Но самой большой его любовью, наравне с музыкой, была литература, и прежде всего поэзия: он называл ее «родной стихией» и был подлинным знатоком поэтического творчества прошлого и настоящего.

Как же мог он совместить в себя, в своей душе, все эти

теллента, души Генриха Нейгауза не могли замкнуться только в сфере музыки, в сфере фортепианного исполнительства. Мощной и такой естественной была его потребность делиться всем этим с людьми. Он делился, и щедро.

Так возникает разговор о другой «ипостаси» Нейгауза — педагогической. И здесь он был прежде всего учителем музыки, а не фортепианной игры. Не случайно из его класса вышли такие превосходные артисты, продолжившие дело своего учителя, как его сын — С. Нейгауз, как Л. Наумов, Е. Малинин. Среди учеников Генриха Густавовича были два феноменальных пианиста. Имена их сегодня прославлены во всем мире. Это Эмиль Гилельс и Святослав Рихтер...

Мы видим уникальную архивную ленту — Гилельс играет на фронте. Военный аэродром. Прямо на летном поле — рояль. Кругом — «Яки», один из них идет на посадку, пилот докладывает командиру. — Обычный, суровый день войны, а люди, отрешившись на миг, слушают прелюдию Рахманинова...

И еще одна старая лента: совсем молодой Рихтер играет «Порыв» Шумана. А Д. Журавлев, наш обаятельный рассказчик, приводит слова Нейгауза о Рихтере: «Я не горжусь им, как своим учеником. Я думаю, такому дарованию было безразлично, у кого учиться. Горжусь лишь тем, что был избран Рихтером в качестве его учителя».

Истинное величие человека — музыканта, педагога — стоит за этими словами. И потому столь точно и уместно звучат другие слова, — они открывали передачу. Слова М. Горького о том, как велика Россия, и каких гигантов она рождает...

Л. ЛЕОНОВА.

ПОКАЗЫВАЕТ ТВ

«Совсем особенная натура»...

и своей исполнительской интерпретацией воздействовать на этот процесс. Может быть, сломать традицию. Может быть, укрепить, по-новому обосновать ее... Кредо такого художника: мало музыкальной одаренности, нужна огромная внутренняя культура, погруженность сокровища, созданные человечеством на протяжении многих веков. Так говорил Нейгауз, и сам — более чем кто-либо другой из его коллег — современников — отвечал этим высочайшим требованиям. Он ощущал искусства взаимопроницающими друг в друга. Архитектура для него звучала. Звучала живопись, — он приводил в пример сочинения Ф. Листа, вдохновлен-

пристрастия? Журавлев-рассказчик отвечает просто: Генрих Нейгауз был поразительно жизнелюбив. Жизнелюбие приняло в его натуре формы артистические, — этому помогал «абсолютный вкус» Нейгауза. И когда в передаче выступает живой и многогранный облик музыканта, совершенно естественно воспринимаются строки Баратынского о Гете:

Была ему звездная книга
Лесна,
И с ним говорила морская
волна...

Д. Журавлев цитирует эти стихи, убеждая нас, что подобная беспредельная открытость миру — свойство его «героя»...

Богатство характера, ин-

- 5 МАР 1980

«ЛЕНИНСКАЯ СМЕНА»
г. Горький